

В маленькой бамбуковой хижине.

Шан Сюань, последовавший за Чжоу Цзыланом, стоял с опущенным взором и смиренным видом, выглядя до крайности послушным и кротким. Чжоу Цзылан, сидя за столом, невозмутимо наблюдал за ним, лихорадочно размышляя.

В воздухе долго царило молчание. Наконец, Чжоу Цзылан, для приличия слегка кашлянув, первым нарушил неловкую тишину:

— Ученик, ты не пострадал?

— Учитель подоспел вовремя, я в полном порядке, — тихо ответил Шан Сюань.

На самом деле, даже если бы сейчас у Шан Сюаня не было ни капли духовной силы, ему не составило бы труда расправиться с таким ничтожеством, как Чэнь Ецин, и вмешательство Чжоу Цзылана вовсе не требовалось. Более того, Шан Сюань был уверен, что наставник вступился за него не из доброты, а лишь потому, что не хотел, чтобы кто-то повредил его духовные корни.

Но все же...

Вспоминая недавнее появление странного пламени, Шан Сюань чувствовал подвох. Он был слишком близко и прекрасно помнил то ощущение жара — это был тот самый редкий огонь, который в прошлой жизни он добыл в древних руинах. Однако по всем расчетам тот огонь должен был появиться лишь через пять лет, и до этого момента о его существовании никто не мог знать. Почему же он внезапно проявился в руках Лан Юэ?

К тому же пламя казалось на удивление послушным Лан Юэ. В отличие от той своенравной и холодной стихии, с которой сталкивался Шан Сюань, в руках Лан Юэ этот огонь вел себя крайне кротко. Неужели Лан Юэ действительно переродился? И если так, то он сделал это раньше него и успел прибрать к рукам редкое пламя?

Если он и правда переродился, то становится понятно, почему Лан Юэ пытался его отравить. Но зачем убивать так рано? Разве Лан Юэ не нужны его духовные корни? Ведь они требуют долгого питания и созревания, подобно нежному ростку: если вырвать их сейчас, они просто завянут и станут бесполезны. Это совсем не в характере Лан Юэ. По логике, он должен был действовать как в прошлой жизни, разве что устранив Шан Сюаня более беспощадно, чтобы не оставить себе проблем на будущее.

Слишком много нестыковок.

Пока Шан Сюань размышлял, Чжоу Цзылан, услышав спокойный ответ ученика, слегка кивнул. Убедившись, что голос парня звучит ровно и в нем нет ничего необычного, он немного успокоился. Подумав, Чжоу Цзылан спросил:

— Как долго я был без сознания?

— Около шести часов, — ответил Шан Сюань и, выдержав паузу, добавил низким голосом, в котором сквозило едва уловимое прощупывание почвы: — Когда я осматривал учителя, то обнаружил, что вы потеряли сознание из-за яда. Он действует медленно, и до полного проявления симптомов проходит два-три дня. Учитель, у вас есть какие-нибудь догадки, кто мог это сделать?

Слово «яд», упавшее в уши Чжоу Цзылана, едва не заставило его свалиться со стула.

Конец. Он действительно отравлен! Он здесь и сгинет!

В душе Чжоу Цзылана поселился ужас. Ему даже показалось, что дыхание перехватило и он вот-вот потеряет сознание. Какой идиот отравил человека, а в итоге отравил себя? И этим идиотом оказался он, Чжоу Цзылан.

Он горько пожалел о содеянном. К черту все эти тайные козни! Лучше бы он притворился, что ничего не знает, и позволил этому волчонку Шан Сюаню расти как траве в поле, не навлекая на себя беду. А теперь что? Самолично загнал себя в могилу и в любой момент может отправиться на встречу с Буддой!

Даже при том, что Чжоу Цзылан старался сохранять невозмутимый вид, его губы непроизвольно дрожали:

— Я... не знаю. Ты приглашал кого-нибудь осмотреть меня?

Шан Сюань внимательно следил за реакцией учителя, и в его глазах мелькнула неуловимая темная искра. Он покачал головой, глядя на наставника невинными черными глазами:

— Простите, учитель. Моя база совершенствования слишком слаба, я даже не могу покинуть гору Чунмин, чтобы найти лекаря.

Чжоу Цзылан внутренне содрогнулся. Вроде бы слова правильные, но почему ему кажется, что в тоне Шан Сюаня сквозит густая насмешка? Если бы этот парень был его родным сыном, он бы уже давно всыпал ему по первое число!

Однако сейчас Чжоу Цзылан с трудом дышал. Забыв о своей маске холодного небожителя, он обмяк и буквально сполз по стулу. Тяжело дыша, он дрожащей рукой указал на дверь и прохрипел:

— Скорее... отправь сообщение главе ордена, пусть придет и спасет меня.

Нефритовая пластина связи была тем самым предметом, с помощью которого культиваторы континента Цинлуань общались на расстоянии. Стоило влить немного духовной силы, как можно было услышать собеседника — почти как мобильный телефон, только привязанный к

одному конкретному человеку.

Глядя на беспомощного Чжоу Цзылана, Шан Сюань вдруг вспомнил, как в прошлой жизни Лан Юэ, рыдая и ползая у его ног, молил о пощаде, полный страха и жажды жизни. Сейчас Чжоу Цзылан выглядел в точности так же.

Это было до тошноты противно.

Температура в черных глазах Шан Сюаня упала до нуля. Он внезапно протянул руку и крепко сжал запястье Чжоу Цзылана. Его пальцы медленно сжимались, а на губах заиграла легкая улыбка, лишенная всякого тепла. Юноша подался вперед, нависая над наставником, и злоба в его взгляде больше не скрывалась.

Смешивая свое дыхание с дыханием учителя, он прошептал:

— Может, учитель попросит меня? Если вы доставите мне удовольствие, возможно, я и позову на помощь.

Они были так близко, что Чжоу Цзылану было некуда деться. Он смотрел на ученика, широко распахнув глаза, и лишь беспомощно открывал рот, не в силах вымолвить ни слова.

Да чтоб его! Этот щенок... черт возьми, почему он сейчас выглядит так пугающе привлекательно? Нет, не это главное! От исходящей от него ауры убийства у Чжоу Цзылана волосы встали дыбом. Казалось, перед ним не подросток, а настоящий демон из той самой книги! Неудивительно, что в будущем этот паршивец стал машиной для убийства — у него еще в таком возрасте проявились задатки предателя и отступника!

Сердце Чжоу Цзылана бешено колотилось. Он не смел даже моргнуть, опасаясь, что в следующую секунду лишится головы.

На самом деле глаза у Чжоу Цзылана были очень красивыми. Даже в теле Лан Юэ они сохранили сходство с его собственными: слегка опущенные внешние уголки, широкая округлая форма, напоминающая абрикосовые, но чуть более вытянутые.

Шан Сюань смотрел, как в этих глазах отражается его лицо, и машинально потирал большим пальцем нежную кожу на запястье наставника. Раньше он не замечал, что у его учителя такие красивые глаза. Возможно, когда-нибудь он вырежет их и сделает своей коллекционной ценностью, чтобы любоваться каждый день.

Подумав об этом, Шан Сюань стер с лица зловещее выражение, снова надел маску безобидности и отпустил руку Чжоу Цзылана. Его голос вновь стал спокойным:

— Учителю не о чем беспокоиться. Я уже встречал этот яд и знаю, как его нейтрализовать. Вам нужно лишь следовать моим указаниям, и через два дня вы будете здоровы.

Чжоу Цзылан, внезапно получивший надежду на спасение, даже не успел задуматься о странной перемене в настроении ученика. Услышав, что он спасен, он тут же почувствовал, как прошла боль в пояснице и ногах, и даже голос стал звучать увереннее. Он выпрямился, и в его глазах вспыхнула нескрываемая радость:

— Ты серьезно?! Ты правда можешь меня вылечить?

Этот прямой, сияющий взгляд заставил Шан Сюаня на мгновение замереть. Он медленно потер пальцы, на которых все еще ощущалась нежность кожи наставника.

Помолчав, он кивнул и коротко, но твердо ответил:

— Могу.

<http://bllate.org/book/18914/1849449>